

Алик
Толчинский

СТРАСТИ ПО ТРАСТАНЕЦКОМУ

Рассказы, киносценарий,
повесть, статьи

Бостон 2004

Алик Толчинский
«Страсти по Трастанецкому»

Alik Tolchinsky
Strasti po Trastanetskomu

Copyright © 2004 by Alik Tolchinsky

Книга печатается в авторской редакции

All right reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the Author.

Published by M-Graphics
Swampscott, MA 01907
mgraphics@comcast.net

Printed in United State of America
ISBN 0-9753075-1-7

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	4
Рассказы	
На прогулке	8
По землянику	12
Странный случай	22
Старая, как мир, история	26
В отпуске	35
Подражаю Пу Сун Лину	50
Валерик	57
Как мы с Пашкой Сотниковым сделали открытие	78
История одной собаки	87
Мой сад	95
Свидетель	106
На задворках шахматного королевства	119
Страсти по Трастанецкому	131
Гимн Маяковскому	142
Любовь к экологии, или приключения приборчика по имени «МАЙ»	152
Сентиментальное путешествие	181
Американская родня едет	197
Беглец	222
Бенвенуто Челлини (сценарий)	239
Возвращение к себе (повесть)	293
Статьи	
Новая космогония божественного начала	380
Пространство и время в поэзии Иосифа Бродского	387

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*

Я, Олег Трастанецкий, родился за два года до вероломного нападения Гитлера на Советский Союз, которое готовили втайне от меня и всего прогрессивного человечества Гитлер с помощью Сталина и Сталин с помощью Гитлера. Вскоре после этого мы стали называть эту войну Великой Отечественной — из-за того, что Гитлер напал на нас на две недели раньше, чем мы ожидали. Вот если бы мы успели напасть на Германию на две недели раньше, чем она на нас, то мы бы назвали эту войну Великой Освободительной...

Итак, я родился и с 1944 по 1946 год переболел ветрянкой, свинкой, скарлатиной и желтухой. Болезни мне дарила моя любимая мама, которая в те же годы работала детским врачом в инфекционной больнице. Мама любила прийти домой и, не умыв лица, не сняв рабочей одежды, любила, я повторяю, заключить меня в тесные объятия, стосюкать и целовать, целовать, целовать. Мама всегда любила меня целовать.

В 1947 г. я заболел какой-то болезнью, которую не могли найти в справочнике. У меня раздулись печенька с селезенкой. Кто-то сказал маме, что у меня цирроз печени. Мама много плакала, боялась, что я умру. Мне в больнице было очень хорошо. Там было весело. Мама приносила мне каждый день большое яблоко. Таких больших яблок я с тех пор ни разу не видел. Наверное, это были знаменитые сорта Ивана Владимировича Мичурина. Он умер и его сорта от тоски по хозяину тоже засохли. Жалко. И его, и их. Потом, сам не знаю почему, я выздоровел. И врачи не знали тоже. Самый главный детский врач сказал маме: «Ну, что ж — я не Бог...» и развел руками. И я снова пошел во второй класс, где меня дразнили евреем, хотя я ни капли не был похож на еврея. И еще мне говорили, что я и мои родители всю войну прятались за русскую жопу. Одну такую жопу я наблюдал семнадцать лет подряд по телевизору. Она была утыкана сплошь орденами. Звали ее Товарищ Леонид Ильич Брежнев.

С 1948 по 1954 год не болел ничем. Иногда случались приступы мигрени. Очки начал носить во втором классе.

В 1954 году весь покрылся прыщами с гнойниками. Начиная с 1954 года и по 1962, пока не женился, давил прыщи. В 1956 году

поехал с друзьями студентами на целину, где от дурной пищи заболел колитом. Так долго болел колитом, что заработал геморроем. С тех пор и по сей день страдаю геморроем. Награжден медалью «За освоение целинных земель». В 1954 году начал кашлять, чем мешал преподавателям вести уроки. Кашлял сорок лет подряд.

В 1959 году на берегу Черного моря заболел крупозным воспалением легких. Выздоровел.

В 1962 году поступил на работу в институт угольного машиностроения. Через две недели после поступления заболел левосторонним плевритом и проболел два месяца. С тех пор и по настоящее время периодически болею воспалением легких. В 1969 году, накануне защиты диссертации, у меня было самое сильное воспаление легких. Мама думала, что я умираю, и горько плакала. Но я выздоровел.

Регулярно болею каждый осенне-зимний период острыми респираторными заболеваниями. Их я переношу на ногах. Если заболеваю вирусным гриппом, то лежу, не вызывая врача, три дня и иду на работу. Врачей не люблю, презираю и антипатий своих не скрываю. В 1989 году после очередного заболевания ОРЗ потерял обоняние.

С удовольствием расстаюсь с зубами. Талантливый протезист Гомбург в давние времена поставил мне три спаренные коронки. При этом он испортил шесть здоровых зубов. Зубы под коронками тоже испортились, и мне их удалили. Заодно выдергивают испорченные Гомбургом бывшие здоровые зубы. В связи с удалением одного из них получил воспаление тройничного нерва, которым страдал с 1974 по 1979 год.

Тогда же, в 1979 году, обнаружил у себя левостороннюю паховую грыжу, от которой очень страдал первые годы, а потом привык.

В 1945 году почувствовал себя мужчиной, что часто скрашивало мне часы, дни и даже месяцы одиночества.

Отложение солей в позвоночнике — остеохондроз — дал о себе знать в 1979 году, что было подтверждено рентгеном. Последствием недуга является то, что я не могу исполнять роль мужчины сверху — сразу падает эрекция. На левом боку тоже не могу, так как начинает болеть сердце. Остаются лишь положения на спине и на правом боку.

В 1962 году в связи с распределением в Красноярск почувствовал признаки заболевания, которое врачи называют сердечно-сосудистой дистонией. Вначале симптоматика сильно пугала — похолодание конечностей плюс бешенный пульс, плюс озноб с поносом. Когда в 1975 году к этому добавилась бессонница, я поступил в Клинику неврозов, где прошел курс аутотренинга и трудовой терапии. Кстати, последний заключался исключительно в перетаскивании мусора или крупногабаритной дряни. Когда моя одежда в результате

трудотерапии приобрела специфический цвет и аромат (никто ведь не предупреждал, что, ложась в нервное отделение, следует принести робу и резиновые сапоги) я сбежал из клиники, обманом завладев своим паспортом. Заведующий отделением очень сокрушался. С тех пор пациенты клиники паспорта на руки не получают ни при каких обстоятельствах.

Подскоки давления и связанный с ними дискомфорт в области сердца систематически мешают мне с 1980 года выпивать и работать. Поэтому я придумал и внедрил в 1985 году, в связи с началом перестройки, индивидуальную систему лечения, которую использую и по сей день.

В 1995 году появились регулярные приступы глазной мигрени, которые прекращаются после месячного курса стугерона.

Особенности строения глаз у меня таковы, что я нынче вижу половину первой строчки на табло в кабинете окулиста. Мешает то, что всю таблицу я помню наизусть. В очках вижу левым глазом пятую строчку, а правым — четвертую. Когда хочу почитать, одеваю поверх очков для чтения еще одну пару очков. Поэтому могу читать только лежа. Если сажу, вторая пара очков сваливается с носа.

Сегодня я, Олег Трастанецкий, считаю себя практически здоровым и, кроме того, созревшим для профессиональной литературной деятельности.

*Алик Толчинский ОТРАЖЕННЫЙ В ЗЕРКАЛАХ, роман в рассказах, НЕУДАВШИЙСЯ ЭКСПЕРИМЕНТ, глава из романа. «ЛИБР», Москва 1998

Рассказы

НА ПРОГУЛКЕ

Я иду с приятелем поздней осенью по лесной дороге. Мы давно в пути и всласть наговорились, обсудив внутреннюю и внешнюю политику, неприятности на работе и наши микроскопические радости. Мы идем молча вдоль шоссе, вдыхая сухой морозный воздух. По шоссе никто почти не ездит — зона. Тихо и спокойно в окружающем пейзаже.

Помнишь, я тебе как-то рассказывал, что у меня есть забавная девчонка? — спрашивает приятель. Так вот, недавно я узнал, что ее уже нет на свете.

— Что с ней произошло? — задаю я равнодушно-вежливый вопрос, но, взглянув на приятеля, вижу, что он всерьез взволнован.

— Если бы ты знал, сколько в ней было женственности! — говорит он. — Это была гениальная, подсказанная самой природой манера поведения. Это была женщина, созданная только для любви. В ней одной она была вся... Так глупо погибнуть! Я не могу простить себе, что высокомерно оттолкнул ее как раз тогда, когда она нуждалась в поддержке.

Правда, мы с ней временами ссорились. Вернее, ссорился я, а она смотрела на меня спокойными, почти детскими глазами и, как бы, не понимала, что меня бесит. А я не мог ей простить легкомыслия, с которым она отдавалась другим. Это был характер Манон Леско. Я десятки раз терял терпение и говорил ей: «Надя, я тебя ни с кем делить не намерен. Сделай выбор»... Боже, как она умела любить! Всего тебя облизнет, обласкает. Внутри ее прямо-таки пламя бушевало. Скажу тебе честно, что после нее обе мои жены, бывшая и настоящая, — просто диетические холодные котлетки, которые различаются только количеством положенного в них жира, но соли и перца в них нет.

— Где ты ее отыскал? — спрашиваю я.

— Она появилась в нашем институте после окончания техникума. Ее молодого мужа только что забрали в армию. Я как раз был между двумя женитьбами и подыскивал подружку, с которой можно было бы погулять, посидеть в ресторане и все такое прочее. Она была, пожалуй, некрасива, но прекрасно сложена. Это я сразу заме-

тил. Завязали знакомство мы очень быстро и уже через день я привел ее к себе. Мамаша смотрела на меня осуждающе. Она до сих пор пытается меня воспитывать, руководствуясь правилами приличия, почерпнутыми из романов восемнадцатого века. Я сказал мамаше, чтобы она шла к себе и не сверлила нас взглядом, накрыл сервировочный столик и укатил его в свою комнату. Мы славно попирировали, а потом началось такое, что я почти год прожил, как во хмелю. Я не мог дожидаться ее прихода и выбегал ей навстречу.

Если бы ты знал, как она одевалась. Нет, я говорю не о верхней одежде, которая выставляется напоказ всем. Это все чепуха. Да и не было у нее средств на приобретение дорогих и эффектных вещей. Но белье! Она носила какое-то совершенно невысказанной нежности по фактуре и цвету белье. У нее были необыкновенной красоты чулки. Не те, которые пристегиваются к поясу, а совсем-совсем другие, с резинками и яркими цветными клеймами на них. Когда она оставалась в одних этих чулках, я чувствовал, что огонь страсти сжигает мои внутренности. Она заметила мою любовь к ее чулкам и стала меня к ним ревновать, и с тех пор назло мне всегда снимала их вначале.

Так прошел почти год. Мамаша устраивала мне периодические истерики с сердечными каплями, но я только отмахивался и посылал ее ко всем чертям. Ох, уж эти мне святоши, которые учат добродетели и благопристойности, потому что в свое время не смогли как следует нагрешить!

Однако моему блаженству не суждено было длиться вечно. До меня на работе дополз слухок, что Надежда утешала не одного меня. Я чувствовал ужасную досаду. Нет, это была даже не брезгливость. Надя была удивительно чистоплотна, два раза в день принимала душ. Он нее всегда пахло свежими яблоками и изысканно-едвауловимыми духами. Мне было досадно, что мы стали мишенью остротам сослуживцев, созерцающих наше трио. В конце концов я вспылал, наговорил ей грубостей и сказал, что видеть ее больше не желаю.

В результате у меня освободилась масса времени. Я даже стал ходить в группу тенниса, написал дома несколько статей. Жизнь, как говорится, вошла в нормальную колею. Но сердце мое все еще плакало. Мое тело тосковало по этой волшебнице.

Помню, однажды, в обеденный перерыв я заглянул в соседнюю лабораторию. Надежда сидела там одна возле телефона, ждала, очевидно, звонка и не хотела, чтобы кто-нибудь брал трубку. Я посмотрел на ее печальную одинокую фигурку, мое сердце переполнило жалость и нежность к ней и я, не в силах совладать с собой, сказал: «Приходи ко мне сегодня».

Ты знаешь, — это был праздник праздников. Она села на диван, я подошел к ней и медленно, почти торжественно раздел ее. Потом я еле вытащил его. Он был огромный. А она с таким легким стоном

взяла его губами и откинулась навзничь... Эти мгновения стоят целых лет жизни. Потом я ее перевернул, и наша оргия продолжалась до самого утра. Что бы ни говорили моралисты, такие женщины нужны. Без них, истинных жриц любви, наш мир оскудеет, потеряет что-то очень важное.

У нее было удивительное тело. Оно напоминало чувствительный музыкальный инструмент, который сразу отзывается на прикосновение. Однажды мы гуляли ранней весной в этом же лесу. Я прижал ее к себе и погладил ее грудь, и она склонилась ко мне и прошептала: «Мне очень хочется». И я в полном восхищении занимался с нею любовью стоя и чувствовал себя удивительно молодым и счастливым. Мы были совсем близко от шоссе, и я боялся, чтобы нас не засекали, но любовь заставляет совершать безрассудства. Мы все станем при этом детьми. Я попадал с нею в смешнейшие ситуации, которые могли бы стать гвоздем комедийных фильмов. Однажды мы пристроились на пригорке, в низинах еще было сыро. И вдруг в самый захватывающий момент я потерял равновесие и скатился с нее и с пригорка в холодную лесную лужу, исцарапался и измазался в талой земле. Когда я вновь вскарабкался на пригорок, мы начали умирать от хохота.

...И все-таки мне пришлось с ней расстаться. Я так и не смог привыкнуть к тому, что она может прийти ко мне от другого. Вскоре мне предложили перейти с повышением в Авиационный институт, и я воспользовался этим, чтобы прекратить нашу связь. Она несколько раз звонила мне домой, но я говорил, что очень занят работой. Так оно, впрочем, и было. Звонки прекратились. Внезапно месяца два назад она вновь позвонила и настойчиво напрашивалась в гости. К этому времени я уже почти полностью освободился от ее чар и разговаривал с нею чуть свысока и иронически. От любопытства я не удержался и спросил, чем вызван ее звонок. Она довольно небрежно отвечала, что ей скучно. Тогда я довольно холодно посоветовал ей развлечься с любым из ее поклонников. Она долго молчала, потом, не говоря ни слова, повесила трубку.

Как выяснилось впоследствии, ее муж вернулся из армии, а мир, как известно, не без добрых людей. Вскоре до его сведения дошли некоторые ее похождения. Он попросту выгнал ее из комнаты, в которой они жили, и пригрозил, что убьет ее, если увидит хоть раз вблизи своего дома. Она в испуге и растерянности пошла к отцу, мать у нее давно умерла, но бывший муж уже успел его обработать. Ее отец работал в отделе контроля на оборонном заводе. Говорят, что он человек крутой и, приняв решение, никогда его не меняет. Короче, — он даже не открыл ей дверь. У нее началась адская жизнь. Одну-другую ночь она устраивалась у подруг, либо у «друзей», но в намерения «друзей», как видно, не входило завязывать с нею длительные отно-

шения. Бедняжка была вынуждена по временам гулять ночами по улице. То ли с отчаяния, то ли по рассеянности, вызванной усталостью, в одну из ночей она попала в катастрофу. Проезжавший мимо грузовик с прицепом задел ее на повороте. Она с тяжелейшей травмой головы была доставлена в больницу, где и скончалась две недели назад.

С тех пор я ощущаю боль от угрызений совести. Ведь я ничего, кроме добра и удовольствий, от нее не видел. Она была совсем непритязательна. Ее радовали микроскопические знаки внимания. В нашем жадном, страдающем недугами от излишеств мире она жила, принося радость. В этом было ее призвание. Не знаю, как там церковь управляется с блудницами, но я попросил бы Господа, чтобы Он снизошел к ней за то, что она делала жизнь более привлекательной.

ПО ЗЕМЛЯНИКУ

— Моя хорошая. — Феликс нежно провел тряпочкой по блестящему бамперу. Завтра поедем с тобой по землянику. Подышишь лесным воздухом. Я пошел собирать вещички. Пока.

Он знал свою машину, которой уже исполнилось десять лет, до последнего винтика, до самого тонюсенького проводочка. Так,наверное, опытный хирург знает требуху оперируемого...Да. Завтра ему везти Ирину, свалившегося на его голову троюродного брата жены со своей половиной (тридцать лет не подавал о себе вестей) и, напоследок, какого-то приятеля брата. Ирина настояла, чтобы взять их с собой. Вот, мол, стареем. Родственники перемерли, друзья состарились или разъехались. Кончится тем, что не с кем будет и словом перемолвиться. Ни в гости позвать, ни самим пойти.

— Ты, стало быть, на Элика рассчитываешь? Ну-ну.

— И на него тоже. Пора остаткам родни сплотиться.

— Лично я ничего хорошего от запоздалого сближения не жду. Слишком поздно.

— Что поздно?

— Люди со своими вкусами и привычками. Закоснели в них. Нет уже той гибкости, что в молодости. И вот кто-то должен будет приспособляться, подстраиваться, ломая себя. Думаю, что речь идет о тебе.

— Феля, ну что за манера портить настроение накануне выходных. В конце-концов, не понравятся — в следующий раз приглашать не будем.

Сидя с женой в машине, Феликс уголком глаза наблюдал за размахами дверей, выталкивающих пассажиров на площадь. Наконец в дверях возник тюленеподобный Элик в соломенной шляпе, с бледно-золотистой бородкой клинышком, его жена, крепко сбита, коротко стриженная тетка и чернявый сутулый мужчина, который тут же вытащил сигарету и закурил. Ирина замахала им рукой, и вот уже троица рассаживалась на заднем сиденье, пристраивая рюкзаки на коленях.

— Меня зовут Миша, сказал чернявый, не переставая дымить. — А гюкзак нельзя пристроить в багажник?

— К сожалению, там все занято походной мебелью, да еще канистры с бензином, — зашебетала Ирина. — Мы любим выезжать с комфортом, чтобы не есть на коленях. Но вам ведь не очень тесно, Элик, Зина?

— Не бери в голову, с ленцой процедил Элик. — Утрясемся. Долго нам ползти?

— *Ехать*, — ответил, нажимая на слово «ехать», Феликс, — два с половиной часа, — и повел машину по Минскому шоссе.

— Дай мне тоже сигарету, — Зина потянулась к Мише. — Ничего, что мы курим, Феликс?

— Курите.

— Ну вот, опять эти двое будут вонять всю дорогу, заныл Элик. — Ирэн, запрети им. Машина твоя. Выгони их на улицу.

— У нас Феликс — капитан корабля. Он распоряжается, кого списать на берег. Но он ужас до чего добрый. Правда Фея?

— Да, я ужас до чего добрый, хотя считаю, что мужчину украшает не доброта, а справедливость. А вы Миша, кто по специальности?

— Мы с ним оба — филологи, с гордостью ответил Элик. Миша, кстати, член союза писателей. Мы в журнале довольно часто печатаем его рецензии.

— Фу-ты, ну-ты, — подумал Феликс. — Сейчас оба надуются, как индюки, и начнут вещать.

Он не ошибся. Приятели тут же с места в карьер пустились обсуждать свежую литературную склоку, замелькали фамилии, среди которых было несколько известных, их произносили с особым чувством, приподнимая по-петушиному голову и поводя вокруг очами.

Феликс старался не слушать эту трескотню. Мир щедро открывался впереди. Машина выскочила на Минское шоссе и помчалась, обгоняя грузовики. Прошло каких-нибудь полчаса, и вот замелькали зеленые перелески, поляны, желтеющие лотиками, домишки, выстроившиеся в ряд вдоль шоссе, неторопливо шагающий люд, мальчишки и девчонки на велосипедах, и в машину ворвался и вихрем закрутился вольный, веселый воздух летнего подмосковного утра.

— Нельзя ли поднять стекло, — вдруг закапризничал Элик, внезапно прервав бурный монолог о некоем Капитонове, который влез в правление коммерческого издания. — Мне бок надувает.

Феликс молча поднял стекло, оставив щель на два пальца. В зеркале он постоянно видел большое, рыхлое лицо брата жены и чувствовал все возрастающее раздражение.

Миша утомился первым и резко повернул разговор в другое русло:

— А ты, гляжу, все в той же шляпе, в котогой гастролиговал двадцать лет назад...

— В той же, — с неудовольствием подтвердил Элик.

— Что еще за гастроли? Почему я об этом ничего не знаю? — встревожилась Зина.

— Да никаких гастролей не было. Просто упал с лесенки.

— Нет, не просто упал, — настаивал Миша. Именно *как* упал. Мы плыли мимо Поленова по Оке на гечном теплоходике. Плыли долго, останавливались у каждого села. Скучно. Элик тогда и сказал: «Пойдем вниз, поглядим в ттюме на местных пейзанок» — и стал спускаться. Я за ним. Тут он за что-то зацепился и с грохотом скатился вниз. Шляпа улетела налево, он — направо. Бабы обомлели и пергестали жевать. У одной хлеб в глотке застыл.

А наш — молодцом! Как ни в чем не бывало, поднял вот эту самую шляпу, спокойно надел и без единого слова величественно так поднялся навех. Я тогда от смеха чуть не лопнул.

— Не смешно, — отрезала Зина.

— Нет, отчего же... Комедия положений, — вяло парировал Миша и зевнул, продемонстрировав вставные челюсти.

Машина повернула по грунтовой дороге направо, к видневшемуся в километре лесу. Через десять минут они ехали по лесной бархатисто-мягкой колее и остановились у огромного оврага, на дне которого поблескивал ручеек. Пологий склон оврага местами порос редкими кустами орешника и тонкими прутиками рябины. Между ними на высоких стеблях подобно городским фонарям висели уже налившиеся от июльского жара темнобордовым соком бомбошины земляники, по две-по три зараз на одном стебле. Ягод было так много, что весь склон оврага словно был подсвечен красным.

Женщины спешно сгрудились вблизи машины, шумно возторгаясь вкусом и ароматом лесных ягод. Элик, деловито посапывая, полез в рюкзак и выудил белый эмалированный бидон литра на два, который тут же повесил веревочкой на шею. Миша лениво сорвал несколько земляничин и, зевнув, сказал, что терпеть не может собирать ягоды, а потому лучше в тени полежит и почитает.

— Давайте перед обедом наберем котелок земляники на десерт, — предложила Ирина. — Нас пятеро — мы мигом наберем по стакану.

— Возражений нет, — отозвался Элик, — кроме одного — нас четверо. Миша не участвует.

Комары покусывали руки, шею и лицо, но опрыскиваться репеллентом не хотелось. Уж очень благоуханным был тихий безвет-

ренный воздух леса. Котелок набрался с верхом очень быстро. Элик торжественно принес и поставил его рядом с Мишей — смотри, мол, какие мы молодцы. Феликс с Ириной вытащили походную мебель, даже резиновый умывальник повесили на березу. Включили транзистор. Полилась приятная негромкая мелодия.

— Боже, как хорошо! — воскликнула Ирина. — Как хочется жить в такие дни! Достань, пожалуйста, приборы, Феля, — тут же добавила она без пауз. — Я пока разведу суп.

— Ига, вы мне не бросите столовую ложку, — попросил Миша.

— Ловите, зачем вам она?

— Хочу попоговать ваш улов.

— Надо было со всеми собирать, а не изображать барина, — назидательно произнес Элик, — ревниво следя за ложкой, которую Миша направил в рот.

— А знаете — вкусно, — сказал Миша, жуя и вновь запуская ложку в котелок. — Очень удачная в этом году земляника.

— Ну ты! не очень налегай, — не выдержал Элик. — Пстой-ка, я немного возьму для земляничной маски. — Он буквально выхватил ложку и, зачерпнув ягод из котелка, растер их сначала между ладонями, а затем нанес на тыльную сторону рук и на лицо. Ложку при этом он предусмотрительно положил на стол.

— Зачем же ты так, ведь ягодкам больно, скривился в насмешливой улыбке Миша. — И что за жлобская манера выгывать кусок изо-гта у дуга!

— Кто не работает, тот не ест, — отрезала Зина. Жди десерта. Может быть, Ира смилостивится и поделится с тобой.

— А ты?

— А я еще не решила. Не люблю бездельников. Мало мне своего ненаглядного...

Вид бледной физиономии Элика с раздавленными по ней ягодами был настолько омерзителен, что Феликс старался на него не смотреть. «Слушай, — зло прошептал он жене, он что, так и сядет за стол, не умыв лица? Меня просто вытошнит.

— Так. Все готово. Всем мыть руки и за стол, — скомандовала Ира. — Элик, можешь смыть маску, она уже просохла.

— Ну и рожа у тебя, — не выдержала Зина. — Словно покрыта нарывами.

— А у нас такие гожи и были в юности, — подхватил Миша. Мы с Эликом сидели на одной пагте.

— А помнишь, тебе сестра подарила дамский чемоданчик, и в нем на крышке было приклеено зеркальце. А у нас математику вел старый зануда, его дразнили Трапецией, потому что лысина у него имела форму трапеции. Мы целый час должны были под диктовку писать объяснение к одной-единственной задаче. Мы не выдержали

вали, начинали развлекаться всякой чепухой. А Мишка ставил чемоданчик на парту, открывал его и начинал давить прыщи, глядя в зеркальце.

— Ну, это ты солгал, завистник. Я просто наводил мокияж и поглавлял пгическу.

— А Трапеция кричал: «Левин, уберите чемодан со стола. Здесь вам не вокзал!»

— Это было, — смеясь подтвердил Миша. — Иди умойся, жлоб.

— Феликсу пить нельзя, а мы немного выпьем. Ты как, Элик? Я захватила бутылку сухого вина.

— Я бы выпил рюмку водки. У нас Зина любит сухое.

— Водки, к сожалению, нет.

— Почему нет, я купил. — Миша полез в сумку и вытащил бутылку Кубанской.

— Молодец, Мишка, — глаза Элика за стеклами очков заблестели. Видно, он простил приятелю съеденную землянику. — Молодец. С тобой можно идти в разведку.

— Смотрите, как просто мы готовим суп на открытом воздухе. Вот вам по пакетику. Прекрасный быстрорастворимый суп-пюре. Французский. А вот термос. Я его залила кипятком прямо перед выездом. Так. Все, вроде бы. Зина, порежь, пожалуйста, зелень. Ну, давайте выпьем.

С этими словами Ирина пригубила вино и принялась за суп. Зина выпила полчашки вина, церемонно отставив мизинец. Мужчины со вкусом глотнули водки. Элик сладко зажмурился, и его лицо стало похоже на раскормленную кошачью морду.

— Честно говоря, я ничего не понимаю в винах, — сказала Ирина. Просто соблюдаю ритуал. Феликс дома тоже, как все мужики, предпочитает водку.

— В лечебных целях, — добавил Феликс, — когда болит голова или простужен.

— А я каждый вечер пгинимаю по сто пятьдесят, — сказал Миша. — Я очень устаю за день и мне нужно гаслабиться. Я очень много габотаю.

— Что-то есть хорошее в его естественности, — подумал Феликс. — Что ж, если из троих гостей один оказывается приятным человеком, это уже немало. Впрочем, не исключено, что я ошибаюсь и предвзято отношусь к родне. Первое впечатление бывает обманчивым...

Принятое спиртное возбудило аппетит, и появление холодной курицы с картошкой было воспринято с энтузиазмом. Обед шел к концу. Миша курил, Зина двумя пальцами подбирала с тарелки ломтики копченой колбасы и, быстро-быстро прожевывая, тянулась за следующими.

— Что она лезет рукой в тарелку, — поморщился Феликс, — ведь вилка рядом лежит.

Между тем, сытно пыхтя, Элик сполз со стула и принес котелок с ягодами.

— Так, — поднялась Ирина. — Приступаем к торжественному закрытию обеда. Феликс уже открыл стуженку. Мы ее вли-ва-ем в землянику и пе-ре-мешиваем. Вот так. Теперь давайте чашки. И вот, кто хочет — белый хлеб. Свежий-свежий. С ним особенно вкусно.

Поедание десерта сопровождалось стонами наслаждения.

— Дьявольски вкусно, — сказал Миша.

— Мой рецепт, — потеплевшим голосом ответил Феликс. — Когда зимой мечтаешь о легнем походе на байдарках, обязательно предвкушаешь это царское угощение. Никогда в жизни ничего вкуснее не пробовал. Ну, что же, господа и дамы, — продолжал он, — предлагаю полчаса на уборку и три часа на сбор ягод. Потом поедем домой. Согласны?

Женщины спустились к ручью. Противоположный склон оврага был более крут и порос частыми тонкими сосенками и елочками, бугрился кочками тонкой травы, среди которых желтели и синели цветки волчьего лыка. Почва у ручья была оголена и на сыром берегу Ирина увидела небольшой серебряный крестик и дамские часики. Часики показывали без четверти девять и потому трудно было установить, когда их оставила хозяйка.

— Ира у нас добытчица, — сказала Зина, когда они поднялись наверх к машине. — Кроме земляники повезет в Москву серебряный крестик и часы.

— Зачем ты взяла чужие вещи?— сурово спросил жену Феликс.

— Так они ж там пропадут.

— Совсем не обязательно. Человек может вспомнить и вернуться. И вообще, ты ведь не знаешь, при каких обстоятельствах оставлены эти вещи.

— Ты прав, Феля, я пойду отнесу их обратно.

— Вы с ума сошли, — взорвалась Зина. — Вы какие-то идеалисты. Смешно даже. Если бы ты что-нибудь потеряла, неужели ты стала бы рассчитывать на чье-то благородство? Что упало, то пропало. Это жизнь. Чем выбрасывать, отдай лучше мне. Я мечтала о таком чудесном маленьком крестике.

— Ты же некрещеная, — насмешливо заметил Элик.

— Ну и что? Сейчас все носят крестики. Специально ходить покупать я не стану, но если он сам в руки попал! Может, это божий промысел...

— Дьявольский умысел, — подначил Миша.

— Ты, Зина, возьми крестик и часы, мне они не нужны, — сказала Ирина. Я вспомнила, что есть примета: нельзя чужой крест брать, нехорошо это.

— Предрассудки, — фыркнула Зина, надевая цепочку с крестом через голову. — Нелепые предрассудки. Пойдем-ка лучше соберем ягоды.

Видно было, что внезапно свалившееся на нее приобретение веселит ей сердце.

— А почему Вовка к нам не присоединился? — спросила Ирина у Феликса.

— У него набралась полная машина под завязку, все молодежь. Вот он и решил нам не мешать, а отправиться с ними отдельно. Вот только не знаю, поехал ли он. Наверное, будет искать место вроде нашего. Лес большой, найдет. Сколько ты собрала? О, литра два с хвостиком будет. И у меня литра полтора. Давай еще с полчаса пособираем и в дорогу.

Троица снова уселась на заднем сиденье. Феликс автоматически повернул ключ зажигания — машина молчала. Удивившись, он еще раз внимательно все проверил и снова попытался завести машину — тот же результат. «Странно, — сказал он, — в чем может быть дело». — Вышел из машины, поднял капот, прощупал все контакты — абсолютный порядок. Снова все бегло проверил — не может быть, чтобы она не работала. Сел за руль, попытался завести — машина молчала.

— Ну вот, так я и знал: что-нибудь обязательно сломается. Как нам теперь добираться домой? — заныл Элик.

— Не нуди, — строго оборвала Зина. Сейчас Феликс все наладит.

— Мужики, честное слово, я не понимаю, что с машиной, виновато признался Феликс. Никогда такого не было. Давайте попробуем ее потолкать по дороге, может быть на ходу заведется.

Они вылезли из машины и метров двести протаскили ее по лесной дороге. Никакого успеха.

— Делать нечего, уж извините меня, но положение безвыходное. Придется толкать машину до шоссе, а там нанимать водителя, чтобы довез до Москвы, — сокрушенно признался Феликс.

— Если надо, — будем толкать, — ответил Миша.

— Ты с ума сошел? Три километра тащить ее на себе. У Элика геморрой. Ему вообще нельзя поднимать тяжести, — разволновалась Зина. — Да и мы, слабые женщины, не годимся для такой работы.

— Ира, собирайся и иди с остальными на шоссе, ловите попутку и добирайтесь до Москвы. Там звони Вовке и проси завтра с утра приехать. Я буду здесь ночевать и ждать его.

Всю дорогу Элик ныл, что он так и знал, что не нужно было ехать, что землянику можно купить рядом с домом. Зина хранила суровое молчание, но наконец у нее лопнуло терпение и она крикнула в досаде: «Хватит, надоел. Мужик ты или баба!»

Оказалось, что поймать машину на шоссе совсем не просто. Их было четверо, слишком много. Если кто и останавливался, сажали по одному, по два человека. Прошло около сорока минут и в группе началась легкая паника. Поэтому когда на шоссе появилась Волга, в которой сидело всего двое и они сказали, что могут взять только троих, судьба Ирины была решена.

— Тебе одной будет легче уехать, — успокаивала ее Зина. — Может быть и бесплатно довезут. Одиноким женщинам всегда сочувствуют.

Троица уехала, и у Ирины вдруг возникло ощущение, как если бы открыли форточку в душном помещении. Пропали страх и тревога. Она услышала стрекотание кузнечиков в траве, свист пролетающих над головой стрижей. Воздух уже становился прохладен, и она испытывала наслаждение, вдыхая его глубоко-глубоко, так что даже побаливали ребра.

Она думала о том, как Феликс проведет в одиночестве ночь, и тревожилась, не напали бы на машину хулиганы. Феликс, конечно, не трус. Она гордилась втайне выдержкой мужа, его умением справляться с неприятными ситуациями, но возраст берет свое, и несколько подвыпивших подростков могут без всякой причины избить пожилого человека, испортить машину. Тридцать лет назад такое и представить себе было невозможно. Обеспокоенная этими мыслями, она внезапно осознала, что уже давно машинально следит за маленькой оранжевой точкой, пылящей по проселочной дороге. «Да ведь у Вовки как раз такого же ужасного цвета Запорожец, — подумала она. — Нет, это невозможно. Это слишком хорошо. Такое бывает только в сказках. Машина приближалась и теперь она была почти на все сто процентов уверена, что это едет Вовка. Она не выдержала и возбужденно замахала руками. Запорожец остановился и из него выскочил огненно-рыжий парень, прямо под цвет своей машины, и заорал, как иерихонская труба: «Тетья Ира, что вы здесь делаете?»

— Вовочка, милый, какое счастье, что ты здесь оказался. — Слезы мешали ей говорить.

— Тетья Ира, да вы успокойтесь, я вас не оставлю.

— Такая дурацкая история, ты не поверишь. У Феликса, нашего асса, машина заглохла и не заводится. Он сидит в лесу и будет сидеть до завтра, пока я не привезу подмогу. И вот, ты тут.

— А где он? На старом месте, куда вы меня возили?

— Да, милый. Поедем быстрее, а то мне неспокойно.

— Сейчас. Эй, шпана, тут моего дядьку надо вытащить из леса. Девчонки пусть на дороге постоят, а мы быстренько смотаемся.

Феликс принадлежал к тем счастливым натурам, которые легко переносят одиночество. Более того, он чувствовал себя в одиночестве более комфортно, чем на людях. Когда его, восемнадцатилетнего студента оставили сторожить лес, он с удовольствием готовил еду из немудреных припасов, обходил участок со сваленными в штабеля бревнами, загорал, разводил костер и долго-долго мечтал смутно о чем-то, глядя на огонь. Изредка приезжали машины из совхоза за напиленным лесом. Он придирчиво смотрел накладные, потом помогал грузить. Машины уезжали и вновь воцарялась тишина. Наверное, с той поры он и полюбил одиночество.

В отпуске или по выходным он уходил с утра за окружную кольцевую дорогу или уезжал за город и бродил по лесам, собирая грибы. Часто возвращался домой затемно. Мать попрекала его, что он о ней совсем не думает, а она нервничает, ждет его, боится, что он заблудится. Он же, отдохнувший, посвежевший и радостный от общения с лесом улыбался ей широкой и доброй улыбкой, и мать замолкала и целовала его в лоб, встав на цыпочки.

Вот и сейчас, оставшись один, он не спеша собрал сухие веточки, шишки и развел небольшой костерок. «Как же тебе не совестно, — обратился он к машине. — Так меня подвести. И перед кем! Вот теперь придется лезть тебе в нутро, выяснять, чем ты заболела. Завтра утром на свежую голову проведем обследование. Сегодня, извини, нет настроения». Машина молчала, но ему показалось, что она тоже сожалела о случившемся.

Не успел он вдоволь насладиться покоем и тишиной, как услышал тарактенье на лесной дороге и буквально через минуту увидел Вовкин Запорожец и Ирину на переднем сиденье.

— Я вижу, ты за два часа успела не только добраться до Москвы, но и вернуться с Вовкой. Такой оперативности я от тебя не ожидал, Ира.

— Чудо, чудо! Произошло чудо! — радостно закричала Ирина.

— Что у вас с машиной, дядя? — пробасил Вовка.

— Иди-ка сюда, автомобилист. Впервые в жизни я так опозорился. И сейчас еще ничего не понимаю. Смотри, сажусь, включаю зажигание...

В тот же момент двигатель тихо и мелодично запел свою рабочую песню. Машина была готова к движению.

— Ну, теперь уж я окончательно ничего не понимаю! — воскликнул Феликс. — Наваждение какое-то. Ирина, иди садись. Поехали.

— Мне кажется, если бы Элик узнал о случившемся, он посчитал бы, что мы намеренно разыграли с ними спектакль, — сказала

Ирина по дороге домой. — Почему все же машина не заводилась, как ты думаешь?

— Потому что она живая.

— В каком смысле?

— Видимо, твоя родня ей пришлось не по душе. Помолчав, он добавил: «Не хотела везти ворованный крест».

— Избаловал ты свою старую подругу до полного свинства.

— Будешь на нее ругаться, она опять закапризничает и придет-ся тебе снова идти искать попутку.

— Молчу, молчу. Ну вас обоих к шутам.